

Хроники Макбета

Короли подъезда

Ж е н а – Зинаида Матвеевна

М у ж – Федор Игнатьевич

*Место действие: Москва, квартира в спальном районе.
Наши дни.*

М у ж. Твой утренний кофе, как никогда был сегодня очень вкусный и питательный, моя дорогая, нежная жenuшка, свет моих незатуманенных очей - ненаглядная моя Зиночка. С долькой лимона и без сахара. Я сразу так стремглав оживляюсь, поднимаюсь по служебной лестнице царственной любви – после кофе твоего, что мне, будто, снова двадцать лет, в свои-то восемьдесят с гаком.

Ж е н а. Ням-ням-ням-ням?

М у ж. Ням-ням-ням-ням-ням.

Ж е н а. Какой ты сегодня бодрый, молодой, бархатный, душистый, Феденька. Ты все время остаёшься для меня и для всех живущих на нашей прекрасной планете людей таким бодрым и молодым героем своей бесконечно влюбленной в тебя девочки кисочки Зиночки. В восемь утра ты, как летчик в казарме, ураганно-уркаганно встаешь под звук задорного горна, заправляешь кровать по всем отмуштрованным военным канонам – ровно ровненько – по речке - без одной простыночной морщиночки. Я смотрю на тебя - такого энергичного олимпийского, лично своего атлета чемпиона – хранителя тела моего и души, на протяжении уже шестидесяти лет, и мне так же хочется вслед за тобой энергично жить, творить, летать, порхать, кружиться, заводиться, как ласточка небесная, как золушка земная, мой милый мальчик – Феденька, ты принц, о, ненаглядный, легендарный мой.

М у ж. Моя ты миссочка – девочка Зиночка, звенящая горным, водопадным, все дерьмо сметающим, потоком! Это ты даешь мне энергию для жизни! Только ты – только наша святая любовь!

Представляешь, я на кухне только что, пока ты была в ванной - поймал и так волшебненько по стеночке растёр двух молек - буквально там за две мимолетные секундочки.

Ж е н а. На растиранье каждой мольки ты потратил по одной секундочке, мой мальчик, рыцарь музыкальных пальчиков своих? Ты реально есть моя волшебна светла радость – ты моя цветная жость.

М у ж. Представляешь, они эти две порхатые дурочки мольки, или я там не знаю – два порхатых этих молька дурочка вылетели из нашего настенного кухонного шкафчика из бумажного пакетика муки, а я на стрёме, мальчик - хлоп ручкой и по стеночке их размазал – так с оттяжкой своими музыкальными, конечно, пальчиками костяными своими. Знаешь, они под моими пальчиками такие еще приятные были теплые живочки трепыхашки, когда я их размазывал по стеночке – со всеми их кишочками и крылышками. А сначала на стеночке одна молька была над другой молкой – как будто собаки дворовые во дворе трахались задорно. Ты представляешь, еще за секундочку до того, как я их размазал. И они не догадывались эти мольные дурочки, эти два мольных дурачка, что их ждет от моего щелбанного, артистического пальчика хулиганчика - обращение их мольной ничтожной сути в грандиозную вечность через всецарственную смерть.

Ж е н а. Они любовью занимались друг на дружке эти два твоих молька?

М у ж. Вот именно – ты что – я так тебя хотел позвать взглянуть на это утуханье возбужанной жизни, но ты была в ванной – в туалете. Пока бы ты примчалась на кухню – эти мольки-мотыльки моли могли бы просто в фортке испариться. И я подумал – лучше я размажу этих молек сразу, и потом перерасскажу тебе свои сказочные ощущения от этой своей дивной процедуры вершителя судеб в квартирных наших королевских джунглях - в потрясных самых красках сумасшедших опишу словами всё свое нечеловечески счастливое разговление души - чем если пока пойду к тебе до ванны, дождусь, когда закончишь туалет ты кремовый в ванной комнате своей - примчимся вместе, мы кряхтя, потом на кухню опять... А это все время, время, время беспощадное - мольки и улетучатся из кухни.

Ж е н а. Да ищи потом как ветра в поле этих прожорливых порхающих тварей молек по всей еще квартире – особенно в платяном шкафу между бесконечных складочек одежды шерстяной. Они и в шкаф с нашими шестяными свиторками и шапочками, лично мной вязанные, эти мольки могли бы залететь и начать прожорливо жрать наши любимые шерстяные сакральные вещи.

М у ж. И возможно даже твою роскошную, будто живую норковую шубку, на которую я грохнул когда-то семь своих полковничьих зарплат да с премиальными. О! Твою шикарную вкуснейшую шубку для моли

на свете наши мольки из муки начали бы жрать-пожирать в первую очередь. Я представляю, насколько вкусна вкуснятинка меховая шубка норка для прожорливой моли, будь я на месте этой мукомольной моли сам.

Ж е н а. Ой, не говори мне такой кошмар, Феденька. Мне сразу плохо с сердцем и печеночка покалывает.

М у ж. Ну, не горюнь так, дорогая, Зиночка моя – я держу твое сердце в своих надежных руках офицерских – как наградной товарищ маузер сердечный!

Ж е н а. Я это чувствую и млею, мой родной и благородный офицер.

М у ж. И короче, я их этих ужасных антишерстянных молек - в то время пока ты была в ванной, и, чтоб у нас с тобой не было потом кошмара по тотальному съеданию твоей норковой шубки этими натовскими молями – я их хлоп ручкой – и по стенке нежно так размазал плавно – художественно – как на колыме тех зеков, помнишь - этих тварей молек размазал по стеночке с кровавыми мозгами насекомых комнатных домашних паразитов вечных врагов всей страны.

Ж е н а. В тюрьме на колыме - ты был тогда, как Бог. Никому не разрешал казнить ты мерзких доходяжных зеков. Сам всем в лобешник зекам пули заправлял, а не в затылок, как инструкцией положено. Но я сестричка медицинская тебя тогда и никогда не заложила. Я в заключениях о смерти казненных зеков везде писала, что пуля в голову входила через затылочную его зековскую часть, а выходила из дурного лба. За это пару раз и мне ты дал попробовать заправить пульку зеку в лоб, когда глаза его смотрели страстно и ужасно из-под дула на меня несколько минут. И вот, когда он зек, уже скривленной рожой начинал кричать – мочи ты, сука-салтычиха, ты меня - мочи! - Я разряжала пистолет ему в лобешник!!! Тогда любовь меж нами сильно, Федя, уже дула!

М у ж. Прошли, Зинуль, те времена гnedые боевые. Остались только зеки-мольки-инфузорьки во шкафу. И опыт тот глобальный расстрельный замочильный кому ты передашь. Я б сейчас этих зеков в лобешник с таким бы удовольствием, знаешь, забабыхал. Жалею, что в Китае не родился или в США. Хотя, чего там в США – компьютерные казни – никакого содержательного смака. Кто казнит там – кнопки нажимает – все - мучается больше, чем кого казнит – держит все мучения ж казненного в себе. А кого там мочат ядом в вену или электричеством – тот в нирвану – как блаженный весь уходит со счастливой миной на лице. Извращение одно. Вот китайцы молодцы – на стадионах казни – карабинами в затылок пули набивают своим зекам китаёзам! Мне бы сразу там в Китае генерала дали за гурманские гуманные расстрелы в лоб. А тут я - с опытом таким –

молек лишь давлю и тараканов. И еще вот здесь – две мольки раздавил, а больше нету. Где их взять? Из жопы? Я бы еще сейчас, Зинуль, перед обедом, элементарно, для зарядки, штук пятьдесят молек размазал бы по стенке – хлоп ручкой и размазал еще более плавно, нажимисто и художественно с оттяжкой – только вот больше нет молек у нас на кухоньке в пакетике с мукой – я всю муку тщательно процедил через ситечко.

Ж е н а. Какая жалость и усталость. Надо побольше моли на будущее в кухне тебе развести в пакетике с мукой. Знаешь, давай – я рассыплю пакетик с мукой по нескольким чашечкам – через неделю столько молек в них расплодятся – тебе давить не передавить в твою гэбушную усладу.

М у ж. Дорогая моя Зинаида Матвеевна. Давай лучше в мою гэбушную усладу таракашков снова разведем. Вот от раздавливанья таракашков – мне в тысячу раз сразу – так на душе забористо-зазнобисто становится певуче и шикарно. Будто я врагов народных уничтожаю зеков всех, и мне погоны генеральские дают, и назначают верховным генералом тюрем всей страны! Дядька-то мой – Савелий Фролыч – был заместителем Ежова по хоз части. Все тюрьмы – во, где держал. *(Сжимает кулак.)* Правда, сам дядька никогда никого не расстреливал. И его не расстреляли. Когда их всех замов после Ежова забрали в тридцать седьмом - с дядькой просто не захотели возиться. А почему? А потому что дядька Савелий Фролыч был очень умным человеком. У него перед тем, как его взяли, обнаружилась открытая форма туберкулеза. И с ним просто не захотели возиться, чтоб не заразиться. И умер дядька в своей постели директором санатория в Малаховке со своей спасительной открытой формой туберкулеза умер. Но вот умер-то победителем Савелий Фролыч - с четырьмя ромбами – офигенное звание по тем временам. У нас дача была – через забор дача Калинина. Десятикомнатная квартира в столешниковом переулке. Денег сколько было. У НКВД все деньги тогда были. А потом у КГБ. Напротив, у дядьки еще десятикомнатная квартира для явок. Я на крыше лубянки в футбол играл. Все парады на красной площади с детства принимал вместе со Сталиным. Когда я утром в том году размазывал в нашей кухне таракашков, знаешь – у меня такое парадное шампаючное настроение было сразу целый день и потом длилось еще не разлилось – как у звёздного космического убойного межгалактического летчика какого истребительного. Вот бы там в галактиках кого там расстрельно замочить. На Млечном Пути сначала замочить там всех анти млечных млечников. Но сначала, конечно, во всей нашей туманности андромеды галактике замочить всех антиандромедчиков. Вот куда ты дела моих таракашков, Зиночка?

Ж е н а. Я их дустом, мой милый – ты не помнишь, – мы их вместе – дустом. Они ж по всей квартире твари окаянные. И в постель к нам залазили – ты ж не успевал их передавливать. Не помнишь? У тебя маленький склерозик в эту нашу тараканью тему - у такого большого и взрослого генеральского мальчика. Не находишь?

М у ж. А я тебя что, козу драную - об этом дусте фашистком просил?

Ж е н а. Ты не просил, мой милый, мне побыть немножечко примитивной фасысточкой - попросила жизнь – и просьбу жизни я удовлетворила.

М у ж. Удовлетворила. Ну, коза. Ну, тварь!!! Воспитываешь ее уму разуму – воспитываешь, а она все как совковская уборщица – убирает, вытирает, тараканов - дустом. Никакого сознания.

Ж е н а. Ради тебя, хрыча старого - ради нашей любви, которой уже нет - я уморила всех тараканов в нашей квартирке, сука!!!

М у ж. Сука – еще какие слова уборщицкие умеет потреблять!!! Ну – чего ты заводишься на пустом месте, Зинка. Как у нас нет любви? У нас столько любви, что с другими козлами и козами плешивыми можем поделиться. Шестьдесят лет в любви живем-воюем-царствуем. Свадьбу бриллиантовую отпраздновали. Ну ты, коза-дереза без приданого. Я не твой король?

Ж е н а. Ты – мой козел без козловымени король!

М у ж. Ну ладно, ладно. Не заводись. Козла без козловымени проехали вчера.

Ж е н а. Но драную козу тоже, кажется, вчера проехали?

М у ж. Согласен, уступаю - драную козу раньше козла вчера даже проехали. Короче, стрекозка... Против стрекозки, ты ничего не имеешь против?

Ж е н а. Против стрекозки я ничего не имею против, мой муравьишко труженик – я твоя стрекозка!

М у ж. Короче, ты моя любимая стрекучая стрекозка, если ты меня действительно реально любишь, как гутаришь, кошечка-душечка-подушечка-лапушка – нам надо снова завести этих таракашков. И не спорь! Не спорь, стрекозка! Ты танцуешь по-стрекозки – так танцуй! Лето красное пропела – обернуться не успела – муравьишка твой герой - хочет жить и дальше в любви-согласии с тобой. И прошу-то за это, все ничего – таракашков малость развести и позабавиться. Они ж такие – формула один – такие заводные, энергичные, они так шустро бегают по всей квартире. Мне это их пропеллерное, броуновское колошматительное движение по паркету и коврикам в квартирке – так дает заразу столько зубодробительной космической энергии на тыщу лет вперед, когда их давлю этих зековских сук - врагов антинародных и становлюсь героем сказочной нашей страны! Потом я эту свою космическую

колошмательную героическую энергию передаю тебе, ненаглядная моя Зиночка. Разве нет, моя радость? Потом ты обратно мне ее передаешь с удвоенной зубодробительной силищей героической. Нам снова по двадцать лет, мы полны надеждами, нам хочется свернуть горы, повернуть реки вспять, трахаться по двадцать девять часов в сутки без Виагры. Нам снова хочется жить, жить и жить! Жить вечно!!! Только королями!!! Всех тварей зечных в лоб по стеночке размазывать с мозгами!!! Ты разве не хочешь, так вот королями и с мозгами?

Ж е н а. Хочу, моя лапушка, жить с тобой вечно королями, трахаться двадцать девяносто часов в сутки без Виагры, и, чтоб мозги у всех тварей мы пулями по стеночкам метали!!!

М у ж. Во как хорошо сказала. Пулями по стеночкам мозги, им тварям, метали. Потом правильно заслуженно трахаться двадцать девяносто часов со мной и без Виагры!!! Душечка-подушечка! Зиночка-бензиночка-Феррари!!! Ну, тогда чё - в 193 квартире у этой Ниночки с кошками – бывшей моей секретурки, а потом училки - там у нее столько бегающих таракашек Шумахеров в квартирке развелось – ну, пойдя, займи у нее таракашков в баночку из-под хрена – они на следующей недельке и у нас кишмя разведутся, как натрахаются – мы ей Ниночке потом вернём с гаком, если надо, таракашков этих. А лишних таракашков - наплодятся что – ну, я ж их потом лишних - с утраца-то как надавлю своими музыкальными пальчиками – ну, какое у меня потом будет для тебя хорошее, певучее, соловейчатое, героическое настроение королевское. Поверь мне, родная синичка. В Китай не захочу, не запрошусь.

Ж е н а. Опять эта твоя Ниночка из 193 квартиры! Ну, милый товарищ полковник, Федор Игнатьевич! Эти раздавленные твоими нежными фортепьянно-калашниковыми пальчиками тараканы - они ж тебе потом под ногти эти тараканы с их внутренностями, с их подавленными яйцами набьются. Ты ж ведь не стрижешь, мой милый полковник-беспредельник, свои ногти и мне не разрешаешь. И я от всей своей любви тоже тебе разрешаю не стричь тебе себе свои скрюченные ноготки, которыми ты меня ночью, конечно, так эротично чешешь во всех прекраснейших критичнейших местах. Но вот когда днем, при свете солнца ты начинаешь есть мой ароматнейший, согласишься, фирменный борщ со сладким красным перчиком и помидорчиками – то из-под твоих ногтей – в мой необыкновеннейший, качественнейший борщ эти убиенные, уже сушеные тараканы из-под твоих ногтей сыплются всеми своими оторванными сплюснутыми лапками, усиками, брюшками и так далее. А я что - на все это убойное твоё тараканье удовольствие – что, я должна на это смотреть своими сияющими небесно голубыми равнодушными, изнасилованными твоим фаллосным эгоизмом, глазами? Ты, знаешь, милый – я не виртуально

предвкушаю, что в моем желудке начнёт происходить такой визуальный протест, в виде возбуждающей, сероводородной, взрывоопасной, кишкотварной, антитараканной прострации, что мне реально захочется весь борщ, который я с удовольствием и аппетитом только что проглотила - сплевать из своего разгневанного желудка и растерзанных кишок – уже тебе в тарелку!!!

М у ж. Да, не ругайся ты так Зинка! Во – зубодробительница точно. С утра – и так ругается, как ведьма. Я ногти не стрижу – так это чтоб тараканов сподручно давить, да и тебя за клиторочек и поглыбше ночью расфурганить. Был бы пистолет, расстреливать давали – я бы для курка – остриг бы ноготки свои. Глупая, необразованная женщина-уборщица. Только что было такое душевное, солнечное настроение. Я так старался. Я так песнопенно героично раздавил этих двух молек в нашей доброй старой кухоньке приятной. Потом я так старался восторженно и поэтично, и возвышенно тебе, остолопной дуре, рассказать - как я душевно давил этих молек в нашей доброй и уютной кухоньке, а ты вот теперь и ... С женскою неблагодарностью кровавой - гневно изрыгаешь ругань почему зря. Ну, надо же быть девочке хоть чуточку благодарной к любящему ее мальчику, даже если этому мальчику далеко за восемьдесят лет, а девочке не меньше. Но этот мальчик делает по утрам гимнастику, пьет все капельки, настоички, глотает все таблеточки минуточка в минуточку. Чтоб только ты, девочка, не печалилась, а гордилась своим чемпионским мальчиком час от часа и сильнее.

Ж е н а. Ты, Федя, выжил из ума. Это с честным пионерским словом говорит тебе твоя честная пионерская девочка. Ты элементарно, Федя командир – выжил из ума. Нельзя так долго жить на этом свете, Федя. На кого ты похож. Ты похож на столетнего таракана, Федя!

М у ж. О и пошла теперь вот погибать. Да ты на себя-то посмотри, выдра – тебе никто уже больше семьдесят лет не дает, тараканчиха!!! Во кого мне надо раздавить в первую-то очередь. А я-то все и думаю, в чем моя ошибка?

Ж е н а. В том году, Федя, мне семьдесят лет давала продавщица из булочной напротив. Я тебя специально вместе с собой брала, когда она уже и при тебе мне давала не больше семидесяти лет.

М у ж. Ну, что с тобой делать. Я тебе могу и все пятьдесят лет дать, если ты меня хорошо попросишь, незабвенная моя Зинаида Матвеевна.

Ж е н а. А если совсем очень хорошо попрошу – двадцать пять дашь?

М у ж. Ну, если совсем хорошо попросишь – с отсосиком - я тебе и двадцать лет дам и ногти постригу, если еще принесешь баночку тараканов – даже возможно постригу себе кой где ногти. Не везде. Но

ты будешь есть свой борщ без отблева - отвечаю - не будут из-под моих ногтей сыпаться в твой фирменный ароматнейший борщ с красным перчиком и помидорчиками раздавленные тараканы - отвечаю. Ну, ты совсем сегодня, Зинуль, вредная с утра. До сердечного приступа меня хочешь довести?

Ж е н а. Да ты и сам помрешь, старый – чего мне тебя до сердечного приступа стараться доводить-изводить – ты и сам копыта свои козлиные раньше меня, козочки ненаглядной своей, откинешь старый баран – ты совсем же старый, мой старичечек-сморчечек.

М у ж. А какая ты не старая, моя козлиная простилка-не-старушечка. Ой, ты реально вредная стрекозная-занозная - блеющая девушка-сморщинка. Такое было прекрасное чемпионское настроение с утра. Я так волшебным раздавил этих молек. Как Андерсен - с таким вдохновением и воодушевлением потом тебе все это победительное чудо перерассказал, как душевно я давил для нас этих молек - чтобы у нас было незабываемое, мощное, цветущее, королевское настроение на целый день и возможно даже на целую неделю. Как когда в тюрюге ты сама мочила в лоб этих доходяг! Какое у нас было тогда небесное настроение! А ты так в благодарность – козлиной мордой меня в свой навоз. Как нам дальше с тобой жить – я не представляю, деточка-стервочка занозная моя.

Ж е н а. Недели, месяцы и годы – можно жить, а можно и не жить...

М у ж. Мертвецам везет – над ними время вон не властно... Почему девушки всегда опаздывают? Они хотят, родные, чтобы время уехало без них, не понимая того, что время сидит в самих девушках и изнутри их старит-точит.

Ж е н а. А в мужчинах не так что ли время строчит как пулемет и молодость всю убивает?

М у ж. Мужчины – отстрелялись пулеметом и пошли в новое время опять вечно молодыми, воскресшими. Это я, как влюбленный окаменевший дурак, живу вот с одной стареющей, кирпичной, морщинистой девушкой совсем давно старухой.

Ж е н а. А хотел бы жить с вечно моложавой своей динамической Ниночкой?

М у ж. Динамические Ниночки нам не нужны – это точно.

Ж е н а. И я совсем не старая девушка-старушечка, Федор Игнатьевич. Глаза разуйте и мозги откройте. Это вы совсем старый хрыч и идиот, что не видите – какая у меня на лице гладкая, нежная, чистая, румяная, с совсем незаметными маленькими морщинистыми, но очень красивыми волнами, кожа.

М у ж. Ну да – это когда ты своим фирменным французским кремом за восемь тысяч рублей баночка - рожу свою намажешь в сантиметр крема толщиной волной – когда рожи твоей под этим слоем крема

совсем не видно – может тогда и можно дать тебе возраст и пятнадцати летней девушки. А когда потом ты крем сотрешь – там под кремом твоим за восемь тысяч рублей – половина моей пенсии – там же опять твоя рожа восьмидесятилетней морщинистой старухи!!! Радость ты моя кремовая. Посмотри в зеркало!!! Ты ж все зеркала из нашей квартиры на помойку выбросила – чтоб самой на себя не смотреть. А чтоб только я на тебя, старую мымру, смотрел и мучился – какой старой морщинистой столетней мымрой наградил меня Господь Бог на мою старость лет дородную и благородную.

Ж е н а. Да я не выгляжу на свои восемьдесят лет - не выгляжу – чего ты весь такой разъерепенился, разволновался – мне шестьдесят лет дает Иван Васильевич из сто четвертой квартиры - настоящий генерал!

М у ж. Он, этот Ван Васильич – да, точно – настоящий по документам колонный генерал. Безногий генерал! Ван Васильич из сто четвертой квартиры – ему самому двести лет с хвостиком твоему безногому генералу Ван Васильичу – он ни хера не видит твой Ван Васильевич из сто четвертой квартиры в свои двести пятьдесят лет. Он ей шестьдесят лет дает. Ты, знаешь что, Зинаида Матвеевна родная - возьми свои восемьдесят два года, заверни их в салфеточку, положи потом это добро на ночь в холодильничек – в морозильную камеру, а с утра побей это добро молоточком – может годы-то твои поколятся, как ледышки. Может, какой ледышке будет там и сорок лет, какой двадцать, какой даже и пятнадцать и так далее. Вот ты потом спусти в унитаз те ледышки, которым по сорок лет и больше, а сама проглоти пятнадцатилетнюю ледышку. Потом пойди в магазин, купи завернутое в упаковку зеркало, принеси его домой, подойди к кровати, приляг на кровать и распакуй упакованное зеркальце, и посмотри на себя – так вот, я тебя уверяю, распрекрасная моя Зинаида Матвеевна: ты замрешь от шока на своей кровати на несколько суток в неподвижности, как солёная вобла сушеная. А если еще меня не будет рядом, кто бы мог попридержать зеркальце, в которое ты будешь в тот момент смотреться-любоваться на себя – то это зеркальце, когда ты анемело замрешь в неподвижности, как скованная воблистая дура - довольно больно зеркальце плашмя ударит тебя по твоей востроносой роже, и еще вдобавок разобьется об твою костяную, сморщинистую тупую рожу и порежет ее тебе, а буратинный твой нос вообще отфигачит-отрежет. И потом реально совсем можно будет гроб тебе заказывать с катафалком. Вот так. Ты правду хотела – вот и получай правду по своему буратинному носу, моя милая, из моих любящих рук, держащих в натруженных ладонках муравьиных твое стрекозье безалаберное сердце. А ты думала, что - ты проглотишь, значит, пятнадцатилетнюю ледышку из морозильной камеры и потом как

царевна из кожи лягушки явишься на Божий Свет, Зинаида Матвеевна – совсем юной такой двадцатилетней девушкой целомудренной ледышкой раскрасавицей шалавой. Ладно, хорошо, я сегодня добрый – ты обязательно, короче, посмотри в тот момент на меня, когда проглотить эту свою пятнадцатилетнюю ледышку, а до этого, конечно, принесешь таракашков от Ниночки, моя незабвенная ты дура, Зинаида Матвеевна. И если я тебе потом ответственно и искренне скажу, что ты стала снова двадцатилетней моей давнишней девочкой Зиночкой, в которую я когда-то имел счастье влюбиться – так, значит, так оно и есть – ты снова помолодела – ты скинула свои шестьдесят лет. И если я тебе такое скажу – то, значит - и я помолодел, Зинаида Матвеевна. Ну и чего ты время-то теряешь – ноги в руки - стремглав давай - сбегала за таракашками к Ниночке, стрекозка. Для нас стариков – каждая минута – это как две недели световых лет в молодости. Шустро давай – побежала. Чего улыбаешься. Я не люблю повторять. Дать по жопе кулаком для скорости и старта?

Ж е н а. Ну, она же меня пошлет с этой баночкой с под хрена – ты чего, Федя – не знаешь куда это твоя Ниночка меня пошлет с этой баночкой? У нее в голове такие тараканы, что реальных тараканов у неё - фик когда еще допросишься.

М у ж. Ну – она, как реальная каждая девушка – в голове с тараканами эта моя Ниночка – как и твоя Ниночка.

Ж е н а. Вот. Ну, она возьмет, конечно, эту стеклянную баночку для тараканов – эта наша общая Ниночка. Я уверяю тебя – она возьмет эту баночку и знаешь, что она в эту баночку положит? Со своими мозговыми тараканами - свои анализы – кал - она в эту баночку положит двух годичной давности. Полезет в холодильник, в морозильную камеру, где она всегда хранит свои самые лучшие анализы под медицинским научным названием кал и положит этот кал в эту нашу стеклянную баночку, в виде ледышки – этот свой кал двух летней давности, который она наколет у себя в кухоньке молоточком отбивным для мяса – не побрезгует и не постесняется. Вот такие у нее в голове реальные тараканы. А я потом – да - к тебе сюда я уже принесу ее эти самые лучшие уже растаявшие, пока я принесу ее эти каловые анализы-массы. И вот я, приношу тебе - величайшему на свете палачу душеприказчику - тараканов баночку, где должны быть эти твои долгожданные - тараканы таракановищи, Федор Игнатьевич. Даю эту баночку, значит, тебе в руки. А ты - слепой старец – не понимая, что в баночке вместо тараканов она эта твоя тараканномозговая Ниночка положила нам - тебе туда свое прошлогоднее говно для отличных ейных анализов. Ты эту баночку ее говна затем наивно – швырк по всей квартире, будто тараканов – и ты, знаешь, какой запах-то пойдет по всей квартире, Федор Игнатьич от её

прошлогодного кала говна Нины Прокофьевны? Я тебе не пожелаю и тем более себе – его обонять своими старческими ноздрями и лёгкими. Прошлогодний кал у Нины таракановны Прокофьевны отличный, Федор Игнатьевич – но и вонь от него не менее, а более отличная, Федор Игнатьич. Представь себе - я была полгода назад у Нины Прокофьевны – за луковицей к ней одолжить для борща ходила. У нас лук в холодильнике закончился. Так вот - я к ней пришла – мы часа два с ней там сидели на кухне куковали – чай пили с баранками и мармеладками. А потом я пошла к ней в туалет. И представляешь - какая там вонь говна ее в ее туалете, Федор Игнатьич. Ты че, старый мусор, с черепашным своим замедленным мозгом – он не выветривается – запах ее говна в ее туалете. А тут, у нас, представь, по всей квартире мы размажем вместо выпущенных ее тараканов - ее говно, очумелый. Я за тебя хожу каждый раз туалет сливаю. И все там протираю – ты ведь писаешь, Федор Игнатьич – но только не в унитаз – ты на пол, Федор Игнатьич, писаешь в нашем общем с тобой туалете – я тебе прощаю. И какаешь через раз мимо унитаза. Я это тоже тебе это прощаю из любви к тебе и уважения. Я, конечно, не понимаю и не задаю некорректных вопросов - как это тебе удается какать мимо унитаза, когда ты на нем сидишь всей своей стариковской морщинистой узкой одряхлевшей жопой. Тебе сейчас дай пистолет в руки – ты в лобешник с сантиметра промахнешься. В Китай еще он захотел – опыт передать расстрельный. Ты срать-то точно научись в своей квартире не мимо унитаза. А то тут еще, вдобавок, по всей квартире – запах ее дерьма – плюс твоё дерьмо повсюду в туалете на полу – нет, Федор Игнатьич – режь меня пополам - я этого тотального говна от тебя и от нее в придачу по всей квартире нашей я не выдержу. Тут никакая любовь не спасет и не поможет наши обоюдные чувства в дальнейшем спасти. Я сбегу к генералу Ивану Васильевичу в сто четвертую квартиру. Так и знай! Ты меня знаешь!

М у ж. Да, кто он такой – это генерал Иван Васильевич из сто четвертой квартиры - этот обсос вертухай каплюжный. Десятью зонами он там, понимаешь, на колыме у нас правил. Да мне бы дали сотню зон – я бы заправлял как Бог. У дядьки моего Савелья Фролыча вообще все зоны в стране были. Если б его тогда с Ежовым не взяли – полстраны у меня было б, как минимум, зон. Тогда постреляли б с тобой как в тире. Было б точно, что сейчас на старость вспомнить – душу отвести. Чего ты фуффло толкаешь, простодырка, что сбежишь к Васильичу? Побежала – давай вон – пинка дам под жопу финтиля. Кто он такой этот Висильич, типа, генерал?

Ж е н а. Твой боевой товарищ, соратник и друг.

М у ж. Все-все-все-все. Какой он мне боевой друг соратник этот Иван Васильевич. Предатель. И дружбы и всего святого. Она к нему

сбежит. Ну, сбегай, говорю – скатертью дорога. Она к нему сбежит. Разбежалась. Да, ему ноги гангренозные отрезали месяц назад - обе ноги – выше коленок - взаправду, а не понарошке – она к нему сбежит. Ты чего – к нему в инвалидную коляску сбежишь, сухоцелка? Давай сбегай – я на вас с удовольствием с балкона поплююсь – как вы будете оба в инвалидной коляске за его генеральской пенсией до сберкассы ехать – и как тебе там вместе с ним по башке на выходе дадут, когда узнают, что у тебя в кошёлке его генеральская пенсия. Там тебе у сберкассы по башке сразу и дадут, и правильно сделают, что дадут. Я б сам тебе по башке там надавал за его генеральскую пенсию. Как моль бы вас раздавил двух порнушных сучат у сберкассы там на асфальте растер каблуком ботинка с набивочкой железной. Я себе не зря набивочки железные набиваю. Знаю место на рынке.

Ж е н а. Какой ты жестокий, железный, проржавленный стал Федор Игнатьич со своими повсюду железными набивочками в свои восемьдесят четыре года. Я думала – годы тебя смягчат, а ты все ожесточаешься и ожесточаешься. Я так дальше не могу с тобой, Федор Игнатьич. Помилуй, меня грешную – брошу я тебя, грешная. Или ночью – подушкой удавлю. Положу тебе на твою злую прямоугольную рожу квадратную подушку, когда ты будешь храпеть, лежа на спине, усядусь сверху своей круглой попочкой и удавлю. И ты меня не столкнешь. Я к утру все это сделаю. Ты слаб всегда к утру, Федор Игнатьич – так вот, я к утру тебя и удавлю.

М у ж. Ну и удави – ну и славу Богу – удави. Давно все обещаешь – удавишь-удавишь – а я все живу, живу и мучаюсь – с такой старой говнистой жопистой удавочной красючкой. Скорее, я тебя старую дрючку с круглой жопой удавлю, чем ты меня. Да днем даже удавлю – ночи ждать не буду. Оглушу сковородкой по лбу по башке, положу тебе на морду круглую подушечку и сяду своей стариковской костястой жопой – и удавлю – не промахнусь как мимо унитаза – и сама не увернешься. А потом и с балкона на асфальт сам прыгну башкой вниз насмерть, чтоб ментам не сдаться. И на хер все мне здесь это семейное счастье с тобой здесь укаколось-сдалось. В тюрьгу, думаешь сяду? Да хер я, когда сам в свою родимую тюрьгу сяду. Слушай, Зинаида Матвеевна, дорогая – знаешь, как мне все на хер опротивело тут каждый день вместе с тобой дуболобной девочкой, которой шестьдесят лет дает булочница с магазина напротив. И в первую очередь, конкретно, ты мне надоела со своими гангренозными этими прошлогодичными генералами и с насквозь червивыми пиявочными мозгами своими, в которые даже тараканы испугаются влезть, чтоб там чего придумать такое оригинальное развлечься по жизни для души.

Ж е н а. Да ты давно, всю жизнь грозишься меня удавить, дядя тараканыч бармалей кирной. А я, тем не менее, все живу, живу и мучаюсь – девочка конфеточка.

М у ж. Она мучается конфеточка деточка. Кто еще мучается в этом твоём квартирном лагере клеточном на панельном пятом этаже. Это что - не я уже тебя почти каждый день прошу тебя грохнуть? Слезно прошу – придыхательно! Издыхательно прошу - чтоб ты, ведьма патлатая, вошла в свой грёбанный колдушный астрал, потом меня бы старого балбеса в свой грёбанный астрал выдернула, да и грохнула меня там астрально без боли во сне, с помощью своих червивых чар зажаренных бесовских. А ты все отнекиваешься, зубы заговариваешь. Все пожираешь меня живого медленно своими мозговыми пиявочными червями - всю жизнь пожираешь, вампирша козлоногая. Это тебе надо – сосать всю жизнь с меня живую кровь. Ну, ты ж сколько людей образованных, приличных, а не зеков, как ведьма, их, гэбушная, штатная грохнула, когда мы после моих зон таежных в Москву вернулись и тебя завербовали, зная, что грохать умеешь экстрасенсорно. Научил же тебя грохать, суку – полюбила это дело. Сколько денег-то ты в нашу семейную копилку тогда принесла, ведьма ты гэбушная, когда астрально грохала кого по кагебушному заданию. А меня уж грохнуть и не может. А все в любви еще признается, сука покупная сверхурочница.

Ж е н а. Стара стала, Федор Игнатьич – не хватает сил изотерических, чтоб в астрал войти и тебя там грохнуть. Потом, ты мой муж. Как никак, близкий родственник. Тебя начну грохать астрально и себя задену. И ведь задену себя еще наполовину – совсем-то не грохну себя окончательно - буду потом мучиться в гангрене, как генерал без ног. Гангрену тебе ножек хочешь - наведу. Это мне – попроще.

М у ж. Гангрену ножек не хочу. Вот же, тварь болотная - кума широкоформатная.

Ж е н а. А ты не водяной уже бухарин?

М у ж. Водяной бы бухарин бухарчик не просил, чтоб утопили. Ну, травани меня этим мышьяком или крысиным ядом, или этим дустом своим тараканьим. Понимаешь – хватит реально мне жить. Восемьдесят четыре года прожил – хватит. Понимаешь. Ну, что я тебе такого плохого сделал, ведьма, что ты меня не можешь грохнуть на старость моих мучительных дней? Вон - бомбжа-то грохнула – что у нас в подъезде спал после часу ночи. Сама же говорила – твоих астральных снов работа.

Ж е н а. Да он, тварь, эта сука вонючая – контингент ханырный – стограммовович. Разводил нам тут микробов с вонью. Но если тебя начну, вдобавок, еще тебя грохать, Федор Игнатьич – начну сама,

понимаешь, еще конкретно, переживать – как никак тебя люблю – за целую жизнь-то притерлись - начну волноваться – сама первая грохнусь, нежели ты помрешь. А ты мне по семейной нашей жизни без детей вовсе не мешаешь. Будто ты и есть мой ребеночек, Феденька. Потом и пенсия у тебя полковничья – тоже вполне сходная для жизни – почти как генеральская. А как я останусь, ведьма, без твоей офицерской пенсии командной – на одной метле?

М у ж. Ну и че нам тогда того с тобой делать, Зинаида Матвеевна? Так вот мучиться и жить?

Ж е н а. Так вот мучиться и жить, Федор Игнатьич. А как Бог заберет – так пусть Бог и заберет – когда ему будет надо по стеночке там в аду нас с тобой размазать. Или хочешь быть по стеночке размазанным в раю?

М у ж. Ну сходи ты к Нинке – ну по самой сокровенной дружбе прошу - принеси от ней хотя бы пару таракашков – ну, в янычарчиков поиграем – кто первый добежит - чтоб потом и грохнули его. Я б сам к Нинке сходил – ты же заревнуешь.

Ж е н а. И заревную. А как ты хотел? И ты опять тут орать начнешь, как играть в янычарчиков станешь – приступ у тебя сердечный случится – сам раньше таракана скопытишься. Скорую придется вызывать – уколы тебе колоть. А я ж как не люблю запах этот медицинский еще с зоны. Помру ж я первая. А ты один останешься. Тебе ж так тоскливо потом жить начнется без меня, Федор Игнатьич. Так будешь мучиться один одинешенек и неизвестно сколько долго тягомотно жить. Разве этого ты хочешь на старости-то лет?

М у ж. Ну так не надо звать скорую помощь, когда у меня сердечный приступ начнется. Ну, умру и пусть умру от сердечного приступа, как герой, а не от рака – как какая презренная колдовская нечисть.

Ж е н а. На меня киваешь как на нечисть?

М у ж. Ну, Зинк - сама знаешь, что ты нечисть, но хорошая. Я с тобой вон – до восьмидесяти лет дожил и не тужил. И деньги у нас были и полковником я стал даже и без дядьки, без помощи его, когда его забрали. Ван Васильич – стал, конечно, генералом надо мной, а вот ноги диабетные гангренные ему отрезали, а он на пару лет меня моложе.

Ж е н а. Шоколадки Иван Васильич любил очень. Жизнь у него была не сладкая – не было у него дядьки, чтоб кто ему помог - поэтому он очень любил шоколадки – чтоб жизнь уластит.

М у ж. У него член был, знаешь какой, которым он себе карьеру делал. Ты знаешь.

Ж е н а. Но ноги-то ему отрезали не из-за члена, а от шоколадок. Поэтому и диабет, поэтому ноги поэтому отрезали поэтому. А я тебе, Федор Игнатьич – постаралась сделать жизнь натурально

сладкой-сладкой – чтоб ты не очень ее еще улащивал разными там мармеладками с шоколадками – чтоб не прихватил какой-нибудь сахарный диабетик, не получил на старость жизни гангренозные ноги, которые надо еще отрезать, на старость-то лет, когда и на ногах-то еле стоишь-удерживаешься постоичке смирно.

М у ж. Ой, не говори, Зинаида Матвеевна – как я тебе за это благодарен – самая любимая ты моя полковничья женщина-шельма на свете. Ох, как жалко мне все же Ивана Васильича – нашего генерала из сто четвертой квартирки. Слышь, может давай – облегчим земную участь нашего гангренозного генерала без ног. Может – того – войди к нему в астрал – можь, того – давай – грохни нашего боевого друга генерала без ног Ивана Васильича. Главными авторитетами в подъезде нашем зараз станем в доме нашем кагебушном и доброе дело сделаем Ивану Васильичу. Все по морали.

Ж е н а. Ох и толкаешь ты меня, Федор Игнатьич, на зачистку генералов по подъзду. А после Иван Васильича, кого прикажешь еще в подъезде грохнуть? Слушай – я же нежная женщина. Давай тогда и Нинку после генерала грохнем. Только дай приказ. Исполню. Я же очень нежная женщина, Федя, которая нравилась не одним только полковникам за то, что умела мочить очень добросовестно и нежно.

М у ж. Изменяла ты, значит, мне с этим генералом Иваном Васильичем, Зинаида Матвеевна?

Ж е н а. Ну, а что еще прикажешь тебе было тогда сделать, Федор Игнатьевич – когда Иван Васильевич был твоим прямым начальником по вашей сибирской бухенвальдской работе? Ты сам настоял, чтоб я с ним переспала, Федор Игнатьич – чтоб тебе полковничьи погоны дали крематорские. Ты сам, Кощей Бессмертный пиначет, на этом продвижении твоим через целку мою по службе настоял тогда, фюрер!!!

М у ж. О – она чего еще мне вспомнила? Перчинку эту в борще своем фирменном жизненном вспомнила.

Ж е н а. Не перчинка это, Федор Игнатьич – это весь пакет бумажный молотого перца – прямо тебе в рот и ноздри – мимо моего борща!!!

М у ж. Ну и грохни этого безногого генерала Ивана Васильича – есть за что – давно уже грохнуть надо было - за правое наше семейное дело! Чего споришь-то, фрея? Фюрер я, сука, у нее в мозгу нарисовался я.

Ж е н а. Иван Васильича всегда было за что грохнуть. Но сейчас чего его грохать – пусть безножий гад гангреновый помучается больше. Как считаешь?

М у ж. Тоже верно. Пусть безножий гад помучается больше. В подъезде мы и так уж пасторы главные почти. Правда, еще бы у него у генерала его генеральскую пенсию отобрать – было б еще лучше.

Ж е н а. Да, пусть он жрет эту свою генеральскую пенсию, Федор Игнатьич – пусть на всю свою генеральскую пенсию он покупает себе шоколадок и пусть у него гангрена черная вонючая по всему его немощному телу ползет и развивается. Чтоб ему и руки его поганые отрезали и уши, и губищи его сладострастные, и глаза его гангреной испроказились.

М у ж. Ну, ты накаркаешь, конечно, дерьма Ивану Васильевичу в корыто. И правильно сделаешь, что накаркаешь.

Ж е н а. Да накаркаю – так накаркаю – что печень у него гангреной покроется и мозг его трухлявый стухнет. Ну, а что еще делать-то, Федор Игнатьевич – как еще прикажешь творчески-то жить разнообразно?

М у ж. А вот и правильно все делаешь - творчески живешь семейной нашей общей жизнью во любви разнообразно! А вот и молодец из холодца!!!

Ж е н а. А гангрено-то ему на ноги – знаешь, кто в основном напустил, а не только шоколадки?

М у ж. Ты?

Ж е н а. Не хотела тебе раньше говорить. А теперь вижу и ты этому рад. Так вот теперь знай – и тебе, значит, это в личный подарочек - гангрена у Ивана Васильича – врага твоего генерала - от меня была через высшие силы заказана.

М у ж. Ай, молодец – молодец из ларца!!! Как мы теперь по власти-то продвинулись в подъезде. Твоими все молитвами, как видно-то, родная. Как я тебя люблю, моя ты дорогая!!! На сорок лет помолодел сразу, если не на все шестьдесят!!! Вот это подарочек! Это царский подарочек с барского плеча, Зинаида Матвеевна.

Ж е н а. Сам бы мне, бобёр, когда какой царский подарочек с плеча счербурашил. А то ж, когда гулять с тобой из-подъезда выходим – ты все время на квартиру Нины Прокофьевны, старый хрен слюной брызгаешь. И член твой крокодильный в твоих штанах - будто снова на Нинку эту сучку поднимается-распирается, в болото.

М у ж. Да ну, брось – член крокодильный распирается – скажешь тоже. У тебя, прям, культ личности моего члена. Мне, конечно, это симпатично - такое великодушное и расширенное понимание вопроса жизни моего балунчика.

Ж е н а. Да когда в скверике эту чучелу соседку видим – Нину Прокофьевну - ты все время на нее как уставишься динозаврными зрачками – так тебя и не оторвать – будто, порнуху какую рачкастую смотришь. А чего я из дома всю порнуху выбросила – это ж ты в

каждой бабе из порнухи по телеку - Нину Прокофьевну усматривал, старый хер. А не меня - свою знойную любимую девочку Зиночку.

М у ж. Прости, виноват, прости меня грешного, Зинаида Матвеевна. Ну, виноват – ну, долбани меня каблуком по лбу моим ботинком с железной набивкой. Возьми в прихожей - разрешаю.

Ж е н а. Вот член бы твой даже и обвисший - кобель ты старый растереть каблуком с этой железной набивкой об асфальт – получила б может тогда удовольствие. Чего еще прощением - соплями поливать. Ты б делом доказал, что любишь – тогда бы и простила – телом и душой.

М у ж. Каким делом-то доказывать ебхлидову геометрию, Зинуля ты моя. Что б я что – Нину Прокофьевну грохнул тебе в подарочек, как ты Иван Васильича в гангрене извозила. Так ведь я не могу – нет у меня колдовских, как у тебя, полномочных гэбушных силёнушек с выходом в астрал. А так, если грохну кухонным каким ножом – меня и посадят казенные товарищи. Найдут вещественные доказательства - кухонный нож с кусками ее мяса и крови и посадят. Ты хочешь, что б я в тюрьме мучился? Это ж я буду в тюрьме потом гнить, а Нина Прокофьевна – она ж просто концы отдаст и Богу душу и – под землю отдыхать на вечные года. Какие там мученья, господи?

Ж е н а. Да ты ее по лестнице столкни – пусть она себе ноги-руки поломает с шейкой бедра. А потом я ей сама, в таком ее ослабленном состоянии, гангрену напущу гэбушную с астрала. А так на неё - вполне здоровую-ходящую у меня не хватает пока на неё своих колдовских сил чарующих. Сколько раз пыталась – не дается. Сама она, наверно, ведьма настоящая. Ты мне плацдармик подготовь, Федор Игнатьич - с ее ослабленным здоровьем, а остальное я все, сама-кума, уже сделаю-доделаю. Ты, знаешь – у нас в подъезде, если Ниночку счеврыжим – самый крутой авторитет королевский в подъезде у нас будет. Скажем подъездному народу – подвал только для наших соленых огурчиков – подвал весь наш будет – только для наших соленых огурчиков на зиму – ну там, с кем еще немножечко поделимся для отвода глаз. Скажем – чердак наш – весь чердак будет наш – голубей там разводить начнешь, как на старой квартире в Чертаново. Абсолютным королем в подъезде будешь со своею мною-королевой. За бабки вон чердак художникам сдадим и все, если не захочешь голубей. Давай мы Нинке позвоним - как гулять сейчас пойдем. Зайдем за ней. А ты ее потом и столкнешь – типа, она оступилась в подъезде на лестничной клетке и вниз по бетонным лестничным ступенькам милосердным полетела птичка – ворона-невеличка костями ломаться. А я, как свидетель, всегда скажу, что это она сама без тебя оступилась и грохнулась по лестнице мордую вниз. А тебя она никогда не заложит – она тебя любит до сих пор.

М у ж. И тебя она любит.

Ж е н а. Да и меня она любит, как, якобы, воспитанная и культурная шестидесятилетняя бывшая учительница барышня-женщина. Я тоже очень культурная, знаешь, чувиха не тупая. Айкью – у меня, сам знаешь, какой высокий. И в КГБ в подразделении с айкью я первая была. И сама в отставке подполковник. И как культурная женщина – эту твою культурную Ниночку - я искренне люблю. Но тебя, эта тварь Ниночка, любит больше, сучка!!! А я страдаю!!! Ты не видишь, как я страдаю от этой влюбленной в тебя потаскухи?!!!

М у ж. И она сама Нина Прокофьевна страдает, что я с тобой живу, а не с ней.

Ж е н а. А ты, старый хрен страдательный, страдаешь в какую сторону? В мою сторону или в сторону Нины Прокофьевны?

М у ж. В твою сторону, конечно, я страдаю, незабвенная моя Зинаида Матвеевна.

Ж е н а. Надо ее грохнуть - эту Нину Прокофьевну, Федор Игнатьич – или там без рук ее оставить и без ног – нам всем будет легче. Ты что, со мной не согласен?

М у ж. Согласен. Ты что. Как моль ее в кухне по стеночке ее размажем до мельчайших косточек. Давай, давай – нам всем жить недолго осталось. Умирать, так уж кому-то с великими мучениями – чтоб заранее почувствовать эту смерть приходящую, а кому-то оставаться жить и царствовать над смертью.

Ж е н а. Хорошо умеешь сладко королевски говорить. Ну так чего – звони ей - приглашай на прогулку!

М у ж. Прямо, так сразу и звонить? А мы ж еще хотели у нее сначала таракашков попросить.

Ж е н а. Да ну, Федя - как она грохнет с лестницы и потом она уже вся поломатая ворона-птаха – мы ж ее, птичку, понесем потом в ее квартиру - откуда и позвоним в скорую помощь. Ты баночку для таракашков приготовь – там и наловишь после. Я ж не против тараканов – только – за.

М у ж. Да быстро бегают эти таракашки. А я, наверно, нанервничаюсь и устану, когда мы Нину Прокофьевну поломанную птичку в ее квартиру вволочем – я уж буду не ловец для таракашков в ее квартире там.

Ж е н а. Ну, я ж массаж тебе сделаю, возьму твои руки в свои, подержу пять минут – дам тебе энергии. Наловишь таракашков, Федя – не волнуйся – будешь счастлив. А если что и сама тебе помогу с ловлей таракашков-то народнейших врагов. Звони давай Нине Прокофьевне – время понапрасну не тяни.

М у ж. Звоню – чего – не трудно. Телефон бесплатный – не мобильный радиационный. Как раз время для прогулки перед обедом,

чтоб был аппетит. *(Набирает по телефону номер.)* Ниночка! Привет сладкая, котик ты наш. Ну да - погулять намылились с Зиной. И тебя прихватим. Вместе, мое солнышко. О, да – сегодня птички песенки сладко поют. Мы за тобой заходим. *(Кладет трубку.)* Она почти готова - как предчувствовала, девочка Ниночка, что мы тоже идем гулять и за ней зайдём.

Ж е н а. А вот и баночка стеклянная для тараканов из-под хрена. Пошли гулять с Ниной. *(Уходят.)*

Затемнение

Через некоторое время входят М у ж и Ж е н а.

Ж е н а. Как я тебя люблю, мой незабвенный, славный боевой, герой-король, Федор Матвеевич. Как я тебя люблю!!! Можно тебя обнять и поцеловать?

М у ж. Конечно, дорогая моя Зина! Ты так помолодела. Просто двадцать лет – больше я тебе сейчас не дам.

Ж е н а. Ой, а какой сладкий у тебя поцелуй, Феденька. Никак диабет начинается!

М у ж. Что?

Ж е н а. Не пугайся, милый – я только шучу.

М у ж. У тебя и шуточки.

Ж е н а. И как здорово она, Ниночка Прокофьевна ласточка, летела – о, как она божественно летела по всей бетонной лестнице своим вороньим мешком с костями - пташка тела своего. Врач насчитал пять переломов – класс! Вхожу сегодня ночью в астрал и забабахиваем ей фирменную гэбушную гангрену всех переломов ее конечностей. Ну все – Ниночке привет – будет куколкой без ручек и без ножек – как растение! Будем ее кормить с ложечки. Она будет нам так всегда рада и благодарна за это. Ты счастлив, дорогой?

М у ж. Я так счастлив. Ты и представить себе не можешь - как я счастлив – будто заново родился.

Ж е н а. Правда, она сама эта Ниночка куколочка не сможет ходить в туалет. А запах ее говна так всемогущ, что я просто не знаю, как это обстоятельство нам будет можно интеллигентно и культурно обойти.

М у ж. Обойдем. Не такое культурно обходили.

Ж е н а. Это верно. Я это тебе тоже обещаю, что обойдем – с твоими-то мозговыми тараканами не обойти.

М у ж. И с твоими мозговыми змеями мудрейшими - с великими айкью.

Ж е н а. Не будем. Главное - врач сказал, что у нее два перелома шейки бедра – правой и левой. Ты просто мастер по грамотным переломчикам, милый. И в перспективе – у нас никаких подозрений у прокурора. Ниночка была нам так благодарна, что мы были рядом с ней и помогли втащить ее в ее квартиру и вызвать скорую помощь. А это я в подъезде, как будто, там оступилась и стала сама, как будто, падать. Но упала на нее. А ты вовремя подставил ножку, удержал меня, чтоб я не полетела за ней кувырком. А она всей мордой загремела с высоты, как гипсовый скелет по бетонным ступенькам нашей лестницы в подъезде. И на голове у нее я насчитала шишек штук десять с рваными ранками. Не меньше. Ну, мой мальчик, мы даем просратья гнидам на века!!! Нам можно еще участвовать в съемках, как каскадерам и получать за это бешенные деньги.

М у ж. Точно.

Ж е н а. Ну а где твои Феррари таракашки с Нинкиной квартиры?

М у ж. Вот – в баночке мои таракашки чебурашки. Нет, ну, так все классно сделали. Ну, просто грандиозная гэбушная филигранная операция. Нет, а чего - потом мы как люди затащили поломанную Ниночку в ее квартиру, позвонили в скорую помощь, потом ты взяла мои руки в свои руки – дала мне энергии, с помощью которой я потом наловил таракашков.

Ж е н а. Нет, ну Ниночка - наш чуждый реальный противник – тоже герой – надо отдать ей-ему должное. Ниночка – это действительно - дивное диво – какое волшебное диво - эта героическая Ниночка. Она пообещала завещать свою квартиру нам. У нее же никого, оказывается, нет у этой Ниночки. Она сказала, чтобы мы завтра же приехали в больницу с нотариусом, и она подпишет завещание на нас своей квартирки.

М у ж. Она реально героическая Ниночка. Не тварь ж какую подзаборную я любил, все-таки. Теперь меня ты понимаешь?

Ж е н а. Понимаю и прощаю, чудо ты моё. Такие победы бывают на свете только в сказочных сказках. Теперь бы только жить и жить, и не тужить!

М у ж. Главное, сейчас грамотно по баблосу с чердаком разобраться с художниками, как ты говоришь, в аренду. С голубями я решил – не буду заводиться. Таракашков мне приятнее давить.

Ж е н а. Вот – и мыслить начал теперь правильно, разумно. Ну – что тогда выпускай таракашков!

М у ж. Выпускаю таракашков!!! Побежали наперегонки!!!
(Выпускает из баночки тараканов.)

Ж е н а. Чем бы дитя не тешилось – лишь бы не плакало, лишь бы не вешалось, да и мимо не какало, сука...

Затемнение

Москва, 2012